

В детстве Цзян Синь был озорным, и стоило ему совершить какую-нибудь ошибку, как Ся Лин, не разбираясь в причинах, тут же направляла своё копье на Цзян Юя. Цзян Цинь был занят карьерой и у него не было ни малейшего терпения выслушивать объяснения Цзян Юя. Выслушав жалобы Ся Лин, он тут же начинал воспитывать Цзян Юя.

В те тяжёлые дни единственным утешением, пожалуй, было то, что Цзян Синь очень привязался к своему старшему брату.

— Когда я окончил школу и подал документы на факультет китайской филологии в Университет А, госпожа Ся заявила, что она с отцом уже выполнили свой долг, обеспечив мне девятилетнее обязательное образование, и не желают оплачивать мою учёбу. К счастью, Миньюэ помогла мне найти подработку, — Цзян Юй словно погрузился в длинные воспоминания и слабо улыбнулся, — за четыре года университета я вернулся домой всего два раза. На первом и втором курсах я подавал заявление на проживание в общежитии на каникулах, днём подрабатывал, а по ночам печатал тексты. Позже доходов с Цзиньцзяна уже хватало на повседневные расходы, и я уволился с подработки, полностью посвятив себя писательству. Дальнейшие события тебе, наверное, уже известны.

Фу Вэйай глубоко посмотрел на него.

— После выпуска ты съехал, и лишь когда госпожа Ся сама связалась с тобой, потребовав, чтобы ты женился на мне.

Цзян Юй криво усмехнулся.

— Я думал, ты хотя бы удивишься моей истории. В конце концов, госпожа Ся мастерски создаёт видимость, в глазах посторонних она всегда выглядит образцовой женой и матерью.

— О, — Фу Вэйай пренебрежительно хмыкнул, — какое мне дело до того, какой образ она создаёт?

— ...

Цзян Юй широко раскрыл глаза, на лице его читалось изумление.

— Молодой господин, ты только что произнёс бранное слово?

Фу Вэйай...

Цзян Юй придвинулся ближе и допытывался:

— Серьёзно, я точно это слышал.

— ...

— За три месяца знакомства я впервые слышу от тебя брань.

— ...

Фу Вэйай уставился на Цзян Юя:

— Заткнись.

Цзян Юй склонил голову набок, глядя на него:

— Ты точно только что ругался.

Молодой господин Фу, вне себя от ярости и смущения, сильным движением руки оттолкнул Цзян Юя к стоящему позади дереву, поднял руку, осуществив идеальный пристенок.

Цзян Юй...

Фу Вэйай сохранял спокойствие и холодно произнёс:

— Забудь всё, что только что услышал.

Цзян Юй, прислонившись спиной к стволу дерева, жалобно отодвинулся ещё немного, потянулся, чтобы оттолкнуть его, и тихо проговорил:

— ... Но ведь это правда.

Молодой господин Фу, сохраняя позу пристенка, наклонился ближе и продолжил угрожать:

— Не боишься, я...

Цзян Юй перебил его, не желая верить в угрозы, высунул язык и наигранно детским тоном сказал:

— И что ты сделаешь? Укусишь меня?

— ...

Фу Вэйай ничего не сказал, а через несколько секунд наконец взорвался в тишине.

Он наклонился и впился зубами в губу Цзян Юя.

Цзян Юй мгновенно окаменел.

Фу Вэйай, удовлетворённый, ослабил хватку, скрестил руки на груди и, приподняв бровь, заявил:

— Укусил.

Цзян Юй наконец пришёл в себя от шока. Он кончиком языка лизнул укушенную губу, но, поняв, что при Фу Вэйае этот жест выглядит несколько двусмысленно, поправился и прикоснулся к губе рукой. Реальная боль напомнила ему, что Фу Вэйай и вправду только что укусил его.

Причём именно за губу.

— ...

Цзян Юй всё ещё не очень верил, неуверенно отнял руку, недовольно поднял глаза на Фу Вэйая и тихо спросил:

— ... Ты что, по году рождения собака?

Молодой господин, только что продемонстрировавший пристенок, с надменным, крутым и властным выражением лица спросил в ответ:

— А ты что, кость?

Цзян Юй несколько секунд смотрел на него, затем вдруг сдался, закрыл лицо руками, согнулся и, с выражением, полным нежелания это видеть, произнёс:

— Всё, хватит, я больше не могу, драмы мне совсем не подходят.

Фу Вэйай на мгновение застыл, медленно отпустил руку и бесстрастно сказал:

— Тогда пошли.

С этими словами он просто оставил Цзян Юя позади.

Если бы в этот момент перед Фу Вэйаем появился кто-нибудь, то наверняка увидел бы на его лице разочарование.

Цзян Юй опустил голову и вздохнул, затем, сделав пару быстрых шажков, сам взял Фу Вэйая за руку.

— Спасибо, — сказал Цзян Юй.

Он знал, что Фу Вэйай только что пытался утешить его своим способом.

Рука Фу Вэйая, которую он держал, сжала его в ответ. Никто ничего не сказал, но никому не было неловко или некомфортно.

*

Солнечные майские дни были приятно тёплыми, даже на улице не чувствовалось сильной жары. Когда Цзян Юй и Фу Вэйай нашли в саду своих родителей, Фу Тяньсин и Цзян Цинь сидели под деревом и пили чай, в то время как Цзюнь Цин и Ся Лин оживлённо беседовали. Со стороны картина выглядела мирной и радостной.

Фу Вэйай почувствовал, что ладонь Цзян Юя стала слегка влажной от пота, и сильнее сжал её, желая его успокоить.

— Всё в порядке, я с тобой.

— Мне просто непривычно, вот и всё, — тихо произнёс Цзян Юй, с благодарностью взглянув на Фу Вэйая.

Фу Вэйай, держа Цзян Юя за руку, подошёл к четырём старшим. Оба по очереди поздоровались с ними, после чего сели рядом с Цзюнь Цин.

Цзюнь Цин была очень рада, она взяла Цзян Юя за руку и хлопнула по ней.

— Вы вернулись вчера вечером, да? Почему же не разбудили меня?

Цзян Юй застенчиво посмотрел на Цзюнь Цин:

— Ваш здоровый сон гораздо важнее.

Цзюнь Цин отпустила его руку, прикрыла рот и рассмеялась, затем повернулась к Ся Лин:

— Посмотрите на вашего Сяо Юя, какой нежный и заботливый.

Ся Лин, пригубив чай, ответила с улыбкой, хорошо знакомой Цзян Юю:

— Да, именно поэтому, когда он так долго не возвращается домой, я очень по нему скучаю.

Цзян Юй ответил ей столь же неискренней улыбкой.

Похоже, наконец-то найдя объект для своих колкостей и намёков, Ся Лин в разговоре постепенно стала говорить больше, и каждые три фразы не обходились без упоминания Цзян Юя. В каждой её фразе сквозило стремление продемонстрировать свою великую материнскую любовь.

Цзян Юй закрыл глаза и, когда Ся Лин в третий раз завела речь о том, каким непослушным он был в детстве и как ей было нелегко, наконец не выдержал.

— Простите, — Цзян Юй встал, слегка поклонившись Цзюнь Цин и Фу Тяньсину, — я плохо себя чувствую, хочу сначала пойти отдохнуть.

Брови Ся Лин нахмурились, она приняла высокомерный вид и стала поучать:

— Разве я так учила тебя разговаривать со старшими? А?

Цзян Юй стоял с бесстрастным лицом, делая вид, что не слышит.

Ся Лин не сильно, но и не слабо хлопнула по столу, собираясь продолжить, но Фу Вэйай опередил её, встав и прервав не успевшие слететь с её губ слова.

Он потянул Цзян Юя к себе.

— Папа, мама, я немного проголодался, сначала пойду с ним перекусить. Вы не спешите.

С этими словами он развернулся и увёл Цзян Юя, с начала до конца не удостоив Ся Лин даже взгляда.

Ся Лин, не зная, что сказать, со сложным выражением лица смотрела на удаляющиеся спины двоих, неловко рассмеявшись:

— Простите, дорогая сваха, это всё я плохо воспитала этого ребёнка.

Цзюнь Цин многозначительно посмотрела на неё.

— Молодёжь, что с них взять, им и вправду нелегко высиживать рядом с нами. Да и мне кажется, характер у Сяо Юя и так уже очень хороший, несомненно, благодаря влиянию такой матери, как вы.

Лицо Ся Лин застыло.

Скрытый смысл слов Цзюнь Цин был слишком очевиден, но сейчас, казалось бы, уже не должно было остаться людей, знающих, что Цзян Юй не её родной сын.

*

На самом деле Цзян Юю было нехорошо, а Фу Вэйай не был голоден.

Они молчаливо прошли по безлюдной тропинке на другую сторону поместья.

Никто не отпускал руку первым, поэтому Цзян Юй всё это время шёл, держась за руку Фу Вэйая. Он опустил взгляд и понял, что за эти два дня они держались за руки дольше, чем за всю его предыдущую жизнь.

Фу Вэйай остановился и задумчиво посмотрел на него.

Цзян Юй, заметив взгляд Фу Вэйая, с сожалением произнёс:

— Прости, что доставляю тебе неудобства.

Фу Вэйай ответил невпопад, прямо заставляя Цзян Юя встретиться с ним взглядом:

— Сейчас ты выглядишь так, будто я тебя обидел, и очень нуждаешься в том, чтобы тебя утешили.

Он и вправду был хорош собой: когда радовался, его черты были подобны картине, мягкие и чистые; когда печалился, кончики глаз и бровей опускались, добавляя нотки тоски и обиды, что вызывало огромную жалость.

Цзян Юй сухо возразил:

— Вообще-то, не очень-то и нужно.

— Правда?

Фу Вэйай оглядел его с ног до головы и самолично принял решение:

— Не похоже. Поэтому я решил проявить великодушие и обнять тебя.

Он отпустил Цзян Юя и раскрыл объятия.

— Вот уж действительно...

Цзян Юй вздохнул, тихо рассмеялся и обнял его.

Фу Вэйай был немного выше, и, обнявшись, они подходили друг другу, словно были созданы друг для друга.

Цзян Юй вновь почувствовал то волнение, что испытал прошлой ночью.

У его уха раздавалось лёгкое дыхание Фу Вэйая, он чувствовал лёгкий молочный запах, исходящий от Фу Вэйая, их теплота сливалась и переплеталась.

Всё было так идеально.